

Александр Кондаков

**ЛГБТИК и школа:
формирование среды
поддержки**

Содержание

Зачем нужно это исследование	4
Что такое школьная среда	5
Методология – спроси повседневных экспертов	10
Не спрашивай, не говори	14
Уровни ответственности	17
Ближний круг	21
За дверями классных комнат	23
Условия труда учителя	28
Заключение	32
Приложение 1	36
Приложение 2	36

Зачем нужно это исследование

Школа является одним из наиболее влиятельных институтов социализации – тем самым местом, в котором происходит обучение не только разнообразным знаниям по конкретным предметам, но и общественным нормам. Именно в школе люди узнают, как следует вести себя в той или иной ситуации, как отвечать на вызовы, возникающие в течение жизни, как относиться к другим людям, а также обучаются правилам вежливости, хорошего тона и взаимопомощи. Однако школьная среда может давать плохие уроки жизни в том случае, если она сформирована на принципах скрытности и неприятия другого или поощряет социальное исключение.

Если для детей школа является важным институтом социализации, то для работников школы это, прежде всего, профессиональная среда – рабочее место. Следовательно, помимо средств, необходимых для осуществления профессиональных обязанностей, учителям также важны такие аспекты школьной среды, которые стимулировали бы профессиональную самореализацию, творческое самосовершенствование, планирование карьерного роста. От того, насколько хорошо себя чувствует в школе учитель, во многом зависит и то, как будет протекать школьная жизнь ребенка, поскольку учителя определяют характеристики школьной среды теми методами преподавания и работы с учениками, которые им удастся претворять в жизнь в конкретных условиях. Иными словами, дружелюбная школьная среда для педагогов будет также способствовать формированию продуктивной и принимающей школьной среды для детей. И наоборот.

Целью этого исследования является выяснение проблем, которые сказываются на формировании отношения к ЛГБТИК в школе, то есть влияют на степень дружелюбности школьной среды по отношению к ЛГБТИК. Основным объектом исследования выступает рабочее место учителя, понимаемое как ключевой элемент формирования школьной среды. В исследовании выясняется, какие трудности в осуществлении профессиональной деятельности возникают у ЛГБТИК-учителей и что существующие обстоятельства могут сказать о характере школьной среды современных учебных заведений.

Что такое школьная среда

Старшие классы школы – это не только период обучения наиболее сложным предметам, но и то самое время, когда подрастающие школьники начинают открывать свою сексуальность, принимают или отвергают себя, или же сомневаются в чем-то принципиально важном для собственной личности¹. Согласно исследованиям, подростки начинают открывать свою сексуальность в возрасте примерно 13 лет². Часто обнаруживая, что в этом плане они могут отличаться от некоторых других окружающих, подростки ищут поддержку со стороны взрослых, а не получая ее или получая сигналы о том, что вместо поддержки взрослые готовы лишь обрушить на них гнев, такие подростки замыкаются, компенсируют недостаток дружеских отношений иными способами, укрепляются в своих сомнениях о собственной личности и враждебности ко всем прочим. Иными словами, реакции окружающих на зачастую наивное любопытство детей о сексуальности могут способствовать социальному исключению с негативными последствиями для опыта жизни подростков, если такие реакции оказываются в основном репрессивными, жестокими или грубыми. Тем не менее, именно с такими реакциями окружающих – детей и взрослых – очень часто сталкиваются подростки, испытывающие сексуальности, отличные от приемлемых в гетеронормативном обществе: например, ЛГБТИК (лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, интерсекс и квир³).

Так, согласно исследованиям, проведенным в других странах⁴,

1 Bailey N.J. Let Us Not Forget to Support LGBT Youth in the Middle School Years // Middle School Journal, 2005, Vol. 37, No. 2: 31-36, pp. 31-32.

2 Horowitz A. and Itzkowitz M. LGBTQ Youth in American Schools: Moving to the Middle // Middle School Journal, 2011, Vol. 42, No. 5: 32-38, p. 32.

3 Как и во многих других странах, в современной России принято употреблять ряд конвенциональных определений, соответствующих разным сексуальным и гендерным идентичностям. Так, «гетеросексуал» является такой идентичностью, которая обозначает спектр непроблематизированных в гетеронормативном обществе идентичностей, а в спектре «ЛГБТИК», напротив, находятся наименования тех из них, положение которых понимается как угнетенное, неравное, подавляемое. Поскольку подавление сексуальности имеет разные направления, этот спектр наиболее широк и включает разнообразие опыта угнетения («геи» угнетаются по другим основаниям в сравнении с «интерсекс»). «Квир» в этом случае означает сомнение в том, описывают ли все прочие непривилегированные идентичности конкретный опыт угнетения, предлагая пространство для невключенного в спектр «ЛГБТИ» опыта.

4 ЛГБТИК в российских школах практически не исследовались. Исключение

ЛГБТИК в несколько раз чаще становятся мишенью для словесного и физического насилия со стороны одноклассников в школах¹. Исследователи – социальные психологи и специалисты в общественном здравоохранении – указывают, что именно в отношении ЛГБТИК-подростков их сверстники используют угрозы насилием, психологические атаки, физические издевательства и пр., что в конечном итоге приводит к социальному исключению². Подобные негативные последствия гомофобии называются «буллинг» или травлей. Исследователи демонстрируют, что вероятность стать жертвой травли для ЛГБТИК-школьников в разы превышает такую вероятность для подростков, считающих себя гетеросексуалами: ЛГБТИК сообщают об оскорблениях на 90% чаще, 40% таких школьников подвергаются физическому насилию, в результате чего они в три раза чаще пропускают занятия (только 1 гетеросексуальный ребенок из 10 пропускает занятия из-за травли, в то время как схожий показатель для ЛГБТИК – 3 из 10)³.

Социальное исключение, которое становится результатом травли, является показателем плохой школьной среды. Если в школе разные группы детей исключаются или чувствуют себя исключенными из компаний одноклассников, не получают поддержку учителей и администрации, воспринимаются как «странные», «чужие», «ненормальные», то это значит, что не они, а школьная среда нездоровая.

составляет: Созаев В. Квир-подростки в школе (из опыта работы школьного учителя) // Меняющаяся молодежь в меняющемся мире: невидимая повседневность / Под ред. Е. Омельченко, Н. Гончаровой. Ульяновск: Издательство Ульяновского Государственного университета, 2006, сс. 153-157. Существуют отдельные исследования школьной среды, фокусирующиеся на проблемах этнической ксенофобии: Акифьева Р. Н. Этнические предрассудки российских школьников // Молодежь и будущая Россия. М.: ИНИОН РАН, 2006, сс. 63-69. Есть также работы о насилии над детьми: Ярская-Смирнова Е.Р., Романов П.В., Антонова Е.П. Домашнее насилие над детьми. Стратегии объяснения и противодействия // Социологические исследования, 2008, Вып. 1: 51–54.

1 Robinson J.P. and Espelage D.L. Inequities in Educational and Psychological Outcomes Between LGBTQ and Straight Students in Middle and High School // Educational Researcher, 2011, Vol. 40, No. 7: 315-330.

2 Basile K.C., Espelage D.L., Rivers I., McMahon P.M. and Simon T.R. The theoretical and empirical links between bullying behavior and sexual violence perpetration // Aggression and Violent Behavior, 2009, No. 14: 336-347.

3 Kosciw J.G., Greytak E.A., Diaz E.M. and Bartkiewicz M.J. The 2009 National School Climate Survey: The experiences of lesbian, gay, bisexual and transgender youth in our nation's schools. New York: GLSEN.

Классические исследования иностранных специалистов напрямую связывают отношения к ЛГБТИК в школе с другими затруднениями, с которыми сталкиваются представители этих исключенных групп: бездомностью¹, суицидальными настроениями², ухудшением здоровья³, повышением частоты депрессивных состояний⁴, враждебности к окружающим⁵, рискованным поведением⁶ и многими другими эффектами. Конечно, общий уровень неприятия других зачастую коррелирует с враждебностью к отдельным группам, т.е. там, где негативно относятся к людям из других стран, людям с инвалидностью, с низким достатком, будут негативно относиться и к ЛГБТИК-подросткам. Более того, границы между всеми этими группами условны и часто пересекаются⁷.

Важно также иметь в виду, что травля по признаку сексуальности или гендера имеет свои особенности по сравнению с другими видами буллинга⁸. Во-первых, существует специфическая форма травли ЛГБТИК – это коррекционное изнасилование (когда, например, преступники считают, что изнасилование «излечивает» лесбиянок, на самом деле нанося травмы, с которыми редкие люди способны когда-либо справиться)⁹. Во-вторых, злоумышленники пользуются уязвимым

1 Singh A.A. and Jackson K. Chapter seventeen: Queer and Transgender Youth: Education and Liberation in Our // Counterpoints, 2012, Vol. 367, Sexualities in Education: a reader: 175-186, p. 176.

2 Robinson J.P. and Espelage D.L. Op. cit.

3 Rivers I. and Carragher D.J. Social-developmental factors affecting lesbian and gay youth: A review of cross-national research findings // Children and Society, 2003, No. 17: 374-385.

4 Robinson J.P. and Espelage D.L. Op. cit.

5 Rivers I. and Noret N. Well-being among same-sex- and opposite-sex-attracted youth at school // School Psychology Review, 2008, No. 37: 174-187.

6 Kann L., O'Malley Olsen E., McManus T., Kinchen S., Chyen D., Harris W.A. and Wechsler H. Sexual Identity, Sex of Sexual Contacts, and Health-Risk Behaviors Among Students in Grades 9-12 — Youth Risk Behavior Surveillance, Selected Sites, United States, 2001-2009 // Morbidity and Mortality Weekly Report: Surveillance Summaries, 2011, Vol. 60, No. 7: 1-133.

7 Meyer D. Evaluating the Severity of Hate-motivated Violence: Intersectional Differences among LGBT Hate Crime Victims // Sociology, 2010, Vol. 44, No. 5: 980-995; Вьеловейски П., Дебус К., Кеннеке Б., Шверма К., Штуве О. Гендерно-чувствительная работа с мальчиками в школе: концептуальные основы и выводы из ряда курсов повышения квалификации учительниц и учителей в Германии // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А.А. Кондаков. СПб: Центр независимых социологических исследований, сс. 379–389.

8 Mishna F., Newman P.A., Daley A. and Solomon S. Bullying of Lesbian and Gay Youth: A Qualitative Investigation // The British Journal of Social Work, 2009, Vol. 39, No. 8: 1598-1614.

9 Wells H. and Polders L. Anti-Gay Hate Crimes in South Africa: Prevalence, Reporting

положением ЛГБТИК, шантажируя жертв угрозами аутинга, раскрытия гомосексуальности против воли человека. В-третьих, негативное отношение к ЛГБТИК может поддерживаться в публикациях СМИ, на телевидении, отражая общую враждебную среду¹ и одновременно делая в нее вклад. В-четвертых, предрассудки о гомосексуальности разделяют не только конкретные обидчики, но и многие другие окружающие: учителя, коллеги, соседи, родители, правительство и пр. Таким образом, найти поддержку становится очень сложно. Если же говорить именно о ЛГБТИК-школьниках, то они в добавок к другим кризисам этого возраста вынуждены выяснять, что с ними происходит и как с этим быть, без каких-либо рекомендуемых источников информации, ролевых моделей, советов или групп поддержки². Иными словами, положение ЛГБТИК в школе может в каких-то моментах существенно походить на положение иных подавляемых групп, но имеет и свою специфику.

Поддержкой для ЛГБТИК-школьников могли бы оказаться учителя и другие сотрудники школы, делающие вклад в улучшение школьной среды. Однако даже в тех странах, которые на законодательном уровне запрещают травлю ЛГБТИК, учителя не всегда способны оказывать поддержку подросткам, которые открывают отличные от условного гетеросексуального большинства грани своей сексуальности. Так, из-за собственных предрассудков, отсутствия специального образования по вопросам сексуальности, безразличия школьные учителя часто закрывают глаза на гомофобную травлю³. Исследователи сообщают, что бездействие учителей часто вызвано опасениями негативной реакции со стороны родителей, администрации школы или остальных учеников на их попытки остановить насилие в отношении ЛГБТИК. Таким образом, школа – это взаимосвязанные отношения большого количества разных групп, каждая из которых влияет каким-то образом на поведение другой. Вместе они и создают школьную среду – враждебную или дружелюб-
Practices, and Experiences of the Police // African Feminisms, 2006, Vol. 2, Iss. 3: 20-28, p. 24.

1 Пронкина Е.С. Особенности ЛГБТ-дискурса в российских медиа, инициированного дискуссиями о регулировании сексуальности // Журнал исследований социальной политики, 2016, Т. 14, Вып. 1: 71-86.

2 Bailey N.J. Op. cit., p. 32.

3 Warwick I., Aggleton P. and Douglas N. Playing it safe: Addressing the emotional and physical health of lesbian and gay pupils in the U.K. // Journal of Adolescence, 2001, No. 24: 129-140; De Palma R. and Jennett M. Homophobia, transphobia in English primary schools // Intercultural Education, 2010, No. 21: 15-26.

ную к проявлениям инаковости.

Многие страны на уровне политики способствуют улучшению школьной среды для ЛГБТИК-подростков. Прежде всего, это означает проведение обучающих программ в школах, которые повышают уровень знаний учителей, администрации и учеников по вопросам сексуальности¹, а также законодательное введение прямых запретов на унижение и насилие в отношении ЛГБТИК². Улучшение школьной среды, кроме того, означает, что ЛГБТИК-ученики получают возможность увидеть в рамках образовательного процесса не только гетеросексуальные модели поведения или монструозные «альтернативные» сексуальности, но и представления о нормальности подобных альтернатив. В отличие от расхожего в консервативных кругах мнения о том, что это способствует росту интереса к гомосексуальности, на самом деле это лишь помогает улучшить положение самих ЛГБТИК в школе, чтобы они не чувствовали себя исключенными и не становились жертвами насилия³. Улучшение положения одних подавляемых групп делает вклад в улучшение общей школьной среды, когда она становится дружелюбнее для каждого. Таким образом, помогая ЛГБТИК-подросткам, такие программы помогают всем школьникам. Школьная среда – это взаимосвязанные отношения каждого участника социального института, называемого школой.

В условиях негативного отношения к гомосексуальности, продвигаемого на уровне официальной российской политики и в СМИ, ожидать позитивных в этом отношении шагов со стороны Министерства образования и науки наивно. Тем не менее, как следует из обсуждения выше, школьная среда формируется не только правительством, но и

1 Созаев В. Гендерная теория как фактор формирования гендерной компетентности в культурологическом образовании школьников // Известия РГПУ им. А.И. Герцена, 2008, Вып. 73: 426-430; Созаев В. Раздвигая границы толерантности: гендерная педагогика как методика воспитания антисексизма // Вестник Владивостокского Государственного Университета Экономики и Сервиса, 2006, Вып. 1: 120-124; Плахотник О. Квир-педагогика и постсоветское образование: где выход из эпистемологического и политического тупика? // На перепутье: методология, теория и практика ЛГБТ и квир-исследований / ред.-сост. А.А. Кондаков. СПб: Центр независимых социологических исследований, сс. 359–378.

2 Haider-Markel D.P. Representation and Backlash: The Positive and Negative Influence of Descriptive Representation // Legislative Studies Quarterly, 2007, Vol. 32, No. 1: 107-133.

3 Meyer E.J. Chapter one: From Here to Queer: Mapping Sexualities in Education // Counterpoints, 2012, Vol. 367, Sexualities in education: a reader: 8-17.

непосредственными участниками образовательного процесса в школах: учениками, учителями, администрацией. Часто от учителей, которые сами относятся к ЛГБТИК-сообществу, ожидается, что они могут стать моделью для подражания, источником поддержки и защитниками для ЛГБТИК-подростков. В рамках этого исследования изучаются возможности этих учителей оправдывать такие ожидания. Ведь недружелюбная школьная среда может поглощать и их позитивный настрой и потенциал. С одной стороны, надежную защиту ЛГБТИК-подросткам действительно могли бы оказывать учителя из числа ЛГБТИК или союзников. С другой – в силу существования враждебной к ЛГБТИК школьной среды они не могут поддерживать нуждающихся в защите, сами являясь потенциальными объектами насмешек или насилия.

Исследования показывают, что ЛГБТИК и во взрослом возрасте испытывают дискриминацию, в частности – дискриминацию на рынке труда, поскольку из-за сексуальной ориентации или гендерной идентичности людям может быть отказано в трудоустройстве, они могут быть уволены, на них может оказывать давление руководство¹. Для учителей постоянное нахождение во враждебной среде означает нестабильное профессиональное положение: давление, страх потерять работу, что также может реализоваться в желании вымещать обиды. Противоположностью такого положения могут быть отношения заботы друг о друге и включение в общее пространство школы вне зависимости от различий, которыми каждый человек обладает, в том числе различий, связанных с сексуальностью и гендерной идентичностью. То есть хорошая школьная среда – это среда, формирующая позитивное отношение к разнообразию.

Методология – сприси повседневных экспертов

Продуктивная и дружелюбная школьная среда позволяет разным участникам школьного взаимодействия достигать своих целей благодаря поддержке окружающих, благоприятствующим обстоятельствам и институциональной защите от посягательств на жизнь и здоровье. Так, ученики в дружелюбной школьной среде будут чаще получать высокие баллы, а учителя – с большим удовольствием проводить уроки. Такая

¹ Tilcsik A. Pride and Prejudice: Employment Discrimination against Openly Gay Men in the United States // American Journal of Sociology, 2011, Vol. 117, No. 2: 586-626.

среда может принести лучшие плоды профессиональной и учебной деятельности: выпускники такой школы с большей вероятностью займут желаемые ими рабочие места, а учителя – быстрее построят карьеры, став директорами или служащими министерства образования. В противном случае, – если сформирована гнетущая школьная среда, – ученики будут чаще получать двойки, а учителя будут ненавидеть свою работу. Таким образом, школьная среда имеет непосредственное влияние на всех участников взаимодействия.

Конкретная конфигурация школьной среды зависит от многих обстоятельств. Все делают свой вклад в общее дело, называемое школой: учителя и ученики, дворники и уборщицы, администрация и охрана. Школьная среда также находится под влиянием внешних по отношению к школе людей: родителей, государственных контролирующих органов, законодателей и спонсоров (шефствующих над школами предприятий), а также многих других тогда, когда они обращаются в своей профессиональной или иной деятельности к школьным вопросам. Как и в любой взаимосвязанной экосистеме, пока каждый из этих элементов не воспринимает школьную среду как продуктивную, она таковой не является.

Формально основная ответственность за формирование школьной среды лежит на директоре школы. Для директора выгодно, когда в ее/его школе складываются уважительные и продуктивные отношения: ученики учатся на высокие оценки, конфликты незначительны, учителям нравится их работа, родителям – уровень образования, который получают их дети и т.п. Тем не менее, формирование такой среды может часто зависеть от других обстоятельств, находящихся вне компетенции директора: район расположения школы и социальное положение семей, проживающих в нем, состав учителей и уровень их образования, бюджет школы, способ отбора школьников и другие аспекты. Более того, директор обязан руководствоваться правилами, созданными для усредненной школы – некоего образа учебного заведения, который в самых общих чертах представлялся законодателям и политикам при написании законов и других нормативных актов. Таким образом, в итоге директор ограничен многими внешними формальными и неформальными обстоятельствами при проведении собственной политики формирования школьной среды в своем учреждении.

Все вместе это означает, что школьная среда существует в двух своих проявлениях: институциональном (правила и нормы, формально регулирующие отношения) и повседневном (правила и нормы, реально действующие при взаимодействии между людьми). В том, что касается положения ЛГБТИК это могут быть совершенно неодинаковые способы взаимодействия. Например, на уровне официальной политики и права в России запрещается то, что именуется «пропагандой нетрадиционных сексуальных отношений» среди несовершеннолетних, явление, границы которого, как показывает юридическая практика, совершенно не очерчены – практически все может стать такой пропагандой¹. С другой стороны, на уровне конкретной школы могут существовать дружественные по отношению к ЛГБТИК-подросткам отношения ввиду того, что учителя и директор школы считают своим долгом открыть двери любым детям, в том числе и ЛГБТИК: поддерживать их, окружать отношениями заботы о здоровье и психологическом благополучии, обеспечивать защиту от издевательств и насилия. Это может достигаться тем, что в школе работают учителя из числа ЛГБТИК, и при этом они чувствуют себя в безопасности благодаря защите директора от необоснованных нападков со стороны контролирующих ведомств. Так в идеале формируется среда поддержки – ситуация заботы друг о друге.

Таким образом, можно выделить несколько уровней обстоятельств, оказывающих влияние на формирование школьной среды: (1) уровень формальных нормативно-правовых актов – федеральных, региональных и муниципальных предписаний в сфере начального и среднего образования, а также вопросов защиты детей; (2) уровень формальных правил школы, зависимый от ее администрации; (3) уровень неформальных правил, то есть сложившихся отношений внутри конкретной школы – система привычных и понятных всем участникам взаимодействий между всеми людьми в школе и по поводу школы. Все это в итоге формирует школьную среду и является объектом анализа в этом исследовании, представляя собой контекст, в который помещено рабочее место учителя.

1 Kondakov A. The Silenced Citizens of Russia: Exclusion of Non-heterosexual Subjects from Rights-Based Citizenship // *Social and Legal Studies*, 2014, Vol. 23, No. 2: 151-174; Муравьева М.Г. Традиционные ценности и современные семьи: правовые подходы к традиции и модерну в современной России // *Журнал исследований социальной политики*, 2014, Т. 12, Вып. 4: 625–638.

Чтобы выяснить характер школьной среды по отношению к ЛГБТИК необходимо понять, каким образом воспринимают школьную среду, в которой приходится работать, учителя, относящиеся к ЛГБТИК или союзникам¹. Эти учителя выбраны в качестве повседневных экспертов, знающих на собственном опыте, какое отношение к вопросам, связанным с ЛГБТИК, сформировалось в школе. То есть они могли испытывать влияние разных уровней политики на собственном опыте либо воспринимают определенным образом эту политику и могут поделиться рефлексией о своем восприятии. Все учителя на момент интервью проживали в Санкт-Петербурге, а потому главным образом свидетельствуют о состоянии школьной среды в городе на Неве.

В рамках этого пилотного исследования проведены одиннадцать интервью с повседневными экспертами². Попытка охватить разный опыт реализовывалась через осуществление интервью с разными информантами. В круг собеседников исследования попали учителя иностранных языков, истории и обществознания, рисования, географии, русского языка и литературы со стажем работы от одного года до семнадцати лет. Среди них пять женщин и шесть мужчин, двое имеют опыт работы в частных школах, остальные – в государственных общеобразовательных учреждениях, трое определяются как союзники ЛГБТИК, одна – лесбиянка, пятеро – геи, двое – бисексуалки. Описание информантов дается в Приложении 1. Беседа проходила по принципам полуструктурированного интервью (Приложение 2), все данные анонимизировались, на запись интервью были получены информированные согласия. Анализ интервью представляет собой классификацию суждений по нескольким темам: уровни влияющих на отношения в школе норм и ответственности за их применение; восприятие дружелюбности или враждебности школьной среды; личный опыт дискриминации или знания об опыте травли других людей (учеников, коллег).

1 В исследовании приняли участие школьные учителя, которые позиционируют себя как лесбиянки, геи или бисексуалы, а также гетеросексуалы, открыто поддерживающие борьбу ЛГБТИК за права человека (союзники).

2 Автор благодарен Полине Кислицыной за помощь в проведении интервью.

Не спрашивай, не говори

В спектр исследования попали учителя, которые работают в широком разнообразии школ: специализированных государственных школах, частных образовательных организациях, в среднеобразовательных учреждениях, расположенных на окраинах города, воспринимаемых как неблагополучные. Эти статусы самих школ оказывают влияние и на формируемую в них уникальную школьную среду, которая, тем не менее, остается под влиянием более общих обстоятельств и не развивается полностью самостоятельно. К примеру, частные школы, согласно данным исследования, формируют особые отношения между учителями и учениками – предельно уважительные, способствующие творческому развитию и росту. Среда таких школ часто понимается как «европейская», то есть отвечающая лучшим и наиболее общим представлениям о том, что на самом деле происходит в школах Европы, некоему идеалу, имеющему мало отношения к географической локальности, но зато позитивно сказывающемуся на правилах поведения и преподавания в самих этих частных школах. Схожим образом формируется среда в специализированных школах: аура престижа, которой они окружены, зачастую позитивно отражается на школьной среде. На другом конце спектра – обычные общеобразовательные школы, оцениваемые собеседниками негативными выражениями, в которых проявляется не только отношение к этим школам, но и отношения внутри этих школ. Все плохое, негодное, неприятное информанты чаще всего маркировали словом «советское», опять же не имеющим отношения к конкретному историческому и географическому явлению, но метафорически отражающим оценки и надежды собеседников исследования.

Первое, что важно отметить в связи с формированием школьной среды в отношении ЛГБТИК, это проявление гетеронормативности в школах, которое можно заметить в суждениях почти каждого из собеседников. Несмотря на объемность и сложность этого научного термина, простыми словами его можно описать как сформировавшиеся представления о том, что мир состоит исключительно из гетеросексуалов, что каждый человек по определению гетеросексуален, а никаких альтернатив гетеросексуальности быть не может. На повседневном уровне это проявляется в простых предубеждениях и постоянных

напоминаниях о необходимости соблюдать нормы гетеросексуальности, узко понимаемые как «своевременный» брак и рождение детей. Так, достаточно ярко свои разговоры с коллегами описывает учитель-гей, которого все считали гетеросексуальным мужчиной:

... вот эти постоянные школьные шутки, что там вот: «Вот, обрати внимание там, вот, на ту вот – она свободная. И ты уже не первой молодости, и надо детей». ... со временем, поработав в разных [ГБОУ] и поучившись на разных курсах повышения квалификации и так далее, я пришел к выводу, что [школьные учительницы] – это советские тетki, у которых разговоры в учительской сводятся, как правило, там, борщ, муж, «когда-женишься?» (005).

Влияние гетеронормативности на повседневный опыт может казаться безобидным, поскольку ее эффекты часто не осмысляются как вредные или вообще не связываются напрямую с психологическим давлением. Люди понимают эти обстоятельства как правила игры, которые невозможно преодолеть, а потому следует подстраиваться под них, чтобы не стать жертвой четко неопределенных, но явно опасных санкций. Однако в этом и заключается механизм подчинения: создание иллюзии невозможности сопротивления. На самом деле, как отмечает тот же информант, «это [как] постоянно на пороховой бочке сидеть» (005). Нарушения этих правил стоит работы, здоровья, жизни. Казалось бы незначительные эффекты ложатся тяжелым грузом на плечи каждого человека.

Наиболее распространенным способом поддержания этой системы является неформальная политика «не спрашивай, не говори»: никто не должен интересоваться сексуальностью другого человека, и никто не должен рассказывать о своей сексуальности. Именно так называют это требование наши информанты, вспоминая схожую политику в армии США 1990-х годов: «можно сказать так, что в обеих школах, в общем, была негласно принята практика don't ask, don't tell» (008). Конечно, эта неформальная политика касается только негетеросексуальных людей, поскольку о замужестве, детях, семейных отношениях гетеросексуалов и постоянно спрашивают, и постоянно говорят в учительских. А если об

отпуске с любимым мужчиной в учительской расскажет другой мужчина, эта история будет расценена как непристойный скандал. В итоге об отношениях за пределами узко понятого определения гетеросексуальности говорить вообще нельзя – все разнообразие сексуальностей игнорируется: «формальных механизмов, то есть, там, ничего нету, а вот неформальные – просто этой темы [ЛГБТИК] нет, табуирована» (006).

Эта ситуация действует не только на уровне межличностных отношений, но и вплетается в систему образования. Тема гомосексуальности может расцениваться как неуместная в рамках классного занятия, а потому должна игнорироваться: «эта тема в старших классах полностью игнорируется. Этого нет. Никакие сюжеты, которые существуют в литературе и истории – их просто нет. Они отсутствуют. Поэтому здесь нет политики гомофобии, здесь есть политика умалчивания. Об этом мы молчим» (009). В некоторых учреждениях требования гетеронормативности могут кодифицироваться, хотя и при помощи расплывчатых формулировок, в правилах и трудовых договорах. Например, в школе, описываемой информанткой как «ксенофобская» и руководимая строгим директором, в договор вписано следующее: «у меня в договоре трудовом была, по-моему, среди моих обязанностей был следующий какой-то расплывчатый пункт типа «соответствовать моральному облику учителя»... какой-то страх наводит» (011). Тем не менее, зачастую неформальная политика игнорирования вопросов сексуальности воспринимается самими ЛГБТИК, работающими в школе, позитивно:

Мне повезло, я работал в замечательных школах, и тема гомосексуальности, ЛГБТ, – она никогда не упоминалась. Не спрашивай, не говори. При всем при этом, разумеется, как я сейчас понимаю, были люди, которые про меня понимали и знали. Но это просто не упоминалось, вот и все (007).

Неформальная политика «не спрашивай, не говори» является своего рода сделкой: личная безопасность гарантируется в обмен на сохранение существующего положения дел. То есть никаких улучшений школьной среды для ЛГБТИК не будет, пока сами ЛГБТИК довольствуются безопасным пространством безразличия. С другой стороны, не

следует забывать, что открытость часто не только способствует изменениям к лучшему, но и сопровождается увеличением уровня насилия, в особенности на первых этапах, когда открытые ЛГБТИК еще воспринимаются в диковинку. Следовательно, личная безопасность действительно находится под угрозой, когда нормы неформальной политики безразличия нарушаются.

Уровни ответственности

Неформальная политика «не спрашивай, не говори», описываемая информантами всех школ, кроме частных, формируется не сама собой – на ее производство, распространение и поддержание влияют конкретные властные инстанции. Следовательно, следует узнать, кто является ее главным проводником. В этом отношении подозрение может падать, прежде всего, на администрацию школы – директора, завуча и коллегиальные органы управления, если они сформированы.

Роль директора описывается в школах по-разному. В конце концов, директор может тоже принадлежать к ЛГБТИК и в этой связи испытывать солидарность с другими членами сообщества. Подобные истории о происходящих в других школах, то есть не из личного опыта, упоминались в интервью исследования. Или же информант вскользь мог обронить: «у меня еще было подозрение, что директорка живет с женщиной» (004). Возможны также случаи, когда директор вне зависимости от своей принадлежности к ЛГБТИК в целом поддерживает принципы разнообразия и равенства. В этом случае раскрытие гомосексуальности учителя не ведет к каким-либо санкциям: «меня вызвала директриса и на прямой вопрос, являешься ли ты геем, я сказал, да, являюсь. Ну, она задала еще пару вопросов по поводу личной жизни. Потом мы больше с ней никогда к этому не возвращались» (008). Тем не менее, оценки личности директоров школ собеседниками в этом исследовании бывали и не столь позитивными: «у нее очень много предрассудков, она очень-очень такая авторитарная» (011). Причем негативные характеристики часто формулировались словами «советская школа», «советская закалка», «советские тетки» и пр.

И все же наиболее частое описание вклада директора в формирование школьной среды в отношении к ЛГБТИК скорее указывают не на личные предпочтения человека, обладающего полномочиями, а на слабую позицию администрации, которая вынуждена осуществлять мониторинг опасностей для школы и реализовывать тактики защиты школы от этих опасностей. То есть директор не проводит какую-то определенную политику в отношении ЛГБТИК, а оценивает, насколько связанные с ЛГБТИК вопросы могут «повредить» школе в части репутации и давления органов власти. Основываясь на этих интуитивных оценках, директора принимают решения не в пользу ЛГБТИК, в крайнем случае, избавляясь от человека, чтобы решить «проблему». Например, по словам одной из собеседниц, когда на нее стали писать доносы неоконсервативные активисты, считающие необходимым избавиться от учительниц-лесбиянок, директориса «не собиралась меня увольнять, она просто не хотела скандала для ее школы» (002).

Судя по историям, рассказанным нашими информантами, страх скандала, связанного с ЛГБТИК, движет многими директорами разных государственных школ – от престижных до среднестатистических. Директор школы в случае угрозы возникновения публичного обсуждения ее заведения в контексте сексуальности спешит избавиться от находящегося в центре скандала сотрудника. При этом учителям предлагают увольнение «по собственному желанию» вместо испорченной трудовой книжки, что расценивается информантами как проявление доброй воли директора.

... даже при всем при том, что, может быть, директор и хорошо к тебе относится, и, может быть, он не гомофоб, но он просто должен будет обезопасить себя [школу]. И в лучшем случае, что он окажется порядочным человеком, не будет никому рассказывать (005).

Таким образом, задача директора сводится к тому, чтобы происходящее внутри школы оставалось за закрытыми дверями и никогда не выскальзывало наружу. В противном случае они стараются переложить ответственность на конкретного человека и, уволив его/ее, создать видимость восстановления прежнего состояния.

Альтернативная стратегия – отстаивание интересов своих сотрудников ради создания более инклюзивной школьной среды – оказывается, по оценкам повседневных экспертов, недоступной. Директор, как и сами ЛГБТИК, находится в ситуации постоянной внешней угрозы:

Просто директора боятся всего. Во-первых, они боятся... первое, чего боятся, боятся публичности. Второе, ну, да, то есть публичности боятся больше всего. Второе – боятся своего начальства. То есть для начальства лучше, чтобы в школе не было никаких конфликтов, чтобы в школе было все тихо, хорошо (006).

Как рассказывают наши собеседники, в том числе в приведенной выше цитате, большое влияние на директоров школ оказывают вышестоящие органы власти: «директор все равно транслирует политику государства ... если надо идти в бессмертный полк, то пойдут все, вне зависимости прогрессивный директор или непрогрессивный, как он на это смотрит» (001). Для этого у вышестоящих инстанций, по мнению информантов, есть соответствующие формальные механизмы: «директора, они больше трясутся за свое место, потому что директора могут уволить вообще без объяснения причины, так как это руководящая должность» (006). Наличие многочисленных контролирующих органов, обладающих всей полнотой власти, делает роль администрации школы малозначительной в вопросах, которые решены на федеральном уровне в ту или иную сторону. В условиях однозначной оценки гомосексуальности в негативном ключе, даже существовавшие раньше открытые для ЛГБТИК школы, вынуждены менять свою политику. В самой крайней форме артикуляции это выражено одним из информантов так:

...вся администрация, администрация практически любой школы, у них установка такая – мы работаем на прокуратуру, то есть любое действие учителя, любое действие администрации, оно может быть использовано против школы прокуратурой. И соответственно ни одному администратору, ни одному учителю, в смысле, ни одному администратору, ни одному директору дополнительные проверки, дополнительный какой-

то гоморрой с прокуратурой не нужны, поэтому они стараются все такие спорные и острые темы изначально избежать, чтобы их не было, не возникало, перестраховаться (008)

Среди наиболее часто упоминаемых органов государственной власти, которые существенным образом влияют на политику школы в разных аспектах, в том числе в отношении ЛГБТИК, упоминались прокуратура и РОНО (районные отделы народного образования, часто сохраняющие это советское наименование). Прокуратура реагирует на обращения граждан. В частности, в рамках исследования была рассказана история, как одна из учениц написала донос, жалуясь на «пропаганду гомосексуализма» в прокуратуру, хотя на самом деле была недовольна поставленной оценкой. Широкой огласке были приданы случаи доносов в органы власти на учителей школ по всей России, организованные неоконсерваторами. РОНО также принимает участие в этой травле: неоконсерваторы «капают» «на мозги Управления образования, Управление образования капало на мозги директорисе, и в итоге она капнула на мозги мне, и я уволилась» (002).

Эта ситуация свидетельствует об институциональной гомофобии, то есть официальной политике государства, поощряющей враждебное отношение к ЛГБТИК через законы, деятельность органов власти и прямое давление на школы. Даже те директора школ, которые не считают такую политику оправданной и справедливой, вынуждены подчиняться, если не хотят потерять место работы, которое в итоге займет тот, кто будет открыто поддерживать государственную гомофобию. Так, в государстве, где институционально поддерживается гомофобия, обида ученика на низкую оценку оборачивается визитом прокуратуры в школу.

Анализ интервью показывает, что по вопросу ЛГБТИК директора школ не имеют большой свободы действий. Им выгодна скорее всего стихийно сложившаяся неформальная политика «не спрашивай, не говори», поскольку она позволяет покрывать подобные вопросы завесой тайны и секретности. Преодоление границ этой секретности чревато публичным обсуждением проблем ЛГБТИК в школе, что жестко наказывается контролирующими органами государственной власти (прокуратурой, РОНО), поскольку воспринимается как скандал и нарушение текущего законодательства. Поэтому директора школ по поводу любого своего

действия советуются с собственным «внутренним прокурором» на предмет того, какие оценки в случае придания публичности тому или иному вопросу даст районная прокуратура, способная не только уволить директора, но и открыть в отношении него/нее уголовное дело. Так, на формальном уровне школьная среда – это продукт, прежде всего, государственной политики, то есть системная проблема.

Ближний круг

Отношения с администрацией школы и государственными контролирующими органами часто выстроены иерархически, причем конкретный учитель находится в подчиненном положении в этих отношениях. Другой формой отношений могут являться взаимодействия формально равных людей, например, между коллегами. В том, что касается вопросов ЛГБТИК, в таких отношениях могут складываться иные по сравнению с политикой администрации практики: коллеги могут обсуждать вопросы ЛГБТИК-политики, социального положения ЛГБТИК в текущих условиях, проблем ЛГБТИК в самой школе. Это сделало бы вклад в формирование более дружелюбной среды на низовом уровне. В условиях неформальной политики «не спрашивай, не говори» и институциональной государственной гомофобии такой вклад вряд ли можно считать значительным, однако как именно протекает этот процесс может иметь значение для исследования.

Коллеги для ЛГБТИК-учителей не являются, тем не менее, безопасными собеседниками. Существует два разных сценария, по которым строится это взаимодействие «равных». Во-первых, во время работы в школе складываются группы близких по политическим убеждениям и культурным предпочтениям людей. Внутри таких групп становится относительно безопасно обсуждать вопросы ЛГБТИК без угрозы санкций: «у нас был круг близких людей, с которыми мы могли какие-то эти моменты обсуждать» (001). Формирование такого ближнего круга занимает длительное время, поскольку учителя вынуждены выяснить отношение коллег к вопросам ЛГБТИК, прежде чем начать обсуждать их с ними:

...знала 2-3 человека, которых... с которыми огонь, воду, медные трубы прошли. И все. И общались. У нас общие знакомые были, встречались компанией,

все было спокойно, хорошо. Но это просто нужно сначала посмотреть на человека, ты увидишь, что там вообще зашоренность мозгов (010).

Второй сценарий – соблюдение полной секретности, выстраивание непроницаемого барьера между личностью ЛГБТИК-учителя и всеми остальными коллегами. Спектр возможных действий в этом отношении может варьироваться от инсценировки гетеросексуальности (ношение обручального кольца, рассказы о гетеросексуальном партнере, появление на общих мероприятиях с другом противоположного пола) до дистанцирования от вопросов сексуальности вообще (не подтверждать, но и не опровергать мнение о собственной принадлежности к ЛГБТИК). Собеседники этого исследования подробно рассказывали о широком разнообразии тактических действий в этом спектре. Важно иметь в виду, что этот сценарий приводит к усилению социальной исключенности самого учителя, индивидуализации опыта угнетения, невозможности солидарности с другими. С другой стороны, в противном случае начинают действовать социальные санкции, также выстраивающие дистанции между «другим» учителем и коллегами:

Я пытался в себе это скрыть – сделать все, чтобы это было незаметно, потому что понимал, что школа – это как раз та территория, которая... в которой очень опасно, да, это выдавать, я старался этого не делать. Но как-то случайно, может быть, в разговоре моя подруга, которая тоже занималась в этой школе, может быть, обмолвилась или уже среди учеников или непосредственно среди преподавательского состава. И не то чтобы я это заметил, но после того разговора, когда я зашел в учительскую, возникла на лицах такая улыбка, которая внезапно... Я сначала ее не понял, но потом... (009).

Социальные санкции реализуются в нескольких возможных формах, составляющих все вместе систему психологического давления и угнетения, основывающуюся на гомофобных предрассудках. Из опыта повседневных экспертов этого исследования можно заключить, что в большинстве случаев коллеги реагируют на

раскрытие гомосексуальности насмешками, оскорблениями, слухами и незначительным насилием (толчки, например), которые в итоге приводят к решению уволиться, поскольку отравляют школьную среду артикуляцией ненависти: «главный инженер меня даже толкнул там. Разговор был, говорил, я тебе руку жал – жал руку пидорасам. Все, должен уходить отсюда» (006), «Шептались – да, за спиной. Когда я уже вернулась с отпуска, мы уже готовили школу к сдаче – шептались, да, это я слышала, какие-то намеки» (002).

Текущее состояние школьной среды способствует замыканию ЛГБТИК-учителей на себе путем скрытности, самоцензуры, мониторинга высказываний коллег на предмет опасности. Проявления гомофобии со стороны коллег ограничиваются такими формами, которые не спровоцировали бы публичный скандал. Как следует из предыдущих частей анализа, публичный скандал считается невыгодным для школы, а потому никто не желает «выносить сор из избы». Коллеги ЛГБТИК-учителей, если они не разделяют ценностей равенства и прав человека, становятся инструментами угнетения, присоединяясь к механизмам государственной институциональной гомофобии.

За дверями классных комнат

От ЛГБТИК-учителей школьниками, испытывающими трудности из-за своей сексуальности, может ожидаться поддержка: советы, беседы, консультации, защита. Даже в условиях секретности, которой окружают себя учителя из числа ЛГБТИК, информация о понимании ими проблем и вопросов ЛГБТИК может все же циркулировать в школе. Поэтому ученики считают, что дружественный совет они получают именно от такого учителя, а не того, кто проявил себя в качестве гомофоба. Некоторые учителя формулируют это как действие «гей-радар», то есть реализации принципа общности, благодаря которому люди узнают друг в друге схожие характеристики. Конечно, это лишь отражает более сложный процесс сигналов, считываемых участниками коммуникации как дружественные:

Я могу тебе сказать, что на момент, когда еще даже, еще не было этого закона о пропаганде, дети, конечно, не рискуют, даже если они очень хорошо

относятся к учителю, если у них есть какая-то проблема такого рода, они, конечно, не рискуют напрямую обращаться за помощью. Ну, мне так кажется. Я уже со своим радаром же понимаю примерно, кто [есть] кто. Я вижу людей. Я понимаю, что вот этот мальчик, скорее всего, гей. Да, ну, то.. эта девочка, скорее всего, лесби... да, ну, это же видно! По поведенческим каким-то моментам, часто видно. Не всегда, но часто. Иногда видно. Скажем так. Я могу ошибаться, ну, мы понимаем так же, что статистически, статистика на моей стороне. Кто-то да должен быть. Вот. Да, и эти дети, они ищут контакта просто с тобой, чувствуя или зная по соцсетям, что ты морально их можешь поддержать. Со мной никогда, ни разу не было откровенных бесед человека, относящегося к ЛГБТ, да, ребенка, относящегося к ЛГБТ, с прицелом, там, помогите, поддержите или что мне делать в ситуации, или тыры-пыры-тыры. Таких не было. Были разговоры на вообще разные темы. Может быть, даже общеполитические, может быть, какие-то более-менее приближенные к личностным моментам, но никогда напрямую по теме. Со мною лично такого не было (001).

С другой стороны, к вопросам о гомосексуальности, задаваемым подростками, могут неоднозначно относиться другие люди (одноклассники, родители, прочие учителя), поскольку для них они считаются свидетельствами о гомосексуальности подростка. То есть сам факт демонстрации интереса к темам сексуальности может расцениваться как небезопасное действие. Именно поэтому обращаться напрямую с вопросом о гомосексуальности к учителю отважится не каждый ученик. С точки зрения собеседников исследования, в этой связи случаи обращения к ним со стороны учеников весьма редки. Однако, конечно, такая коммуникация возникает и, как говорят информанты, задачей хорошего учителя является оказать посильную помощь. Часто в этом случае достаточно беседы:

...мальчик сомневающийся, да, спросил [подругу], что будет, если я тебе признаюсь, что мне нравятся не только девочки (он постеснялся сказать: «мне нравятся мальчики»), но и мальчики. И тогда подруга сказала ему, что вот можно поговорить со мной. И мы об этом поговорили. Я ему рассказал, что такого бояться не надо, потому что действительно в 15 лет, когда все это формируется, очень сложно найти поддержку. И поддержка – от учителя или просто старшего, да, она значима для человека. Ну, мы с ним на эту тему поговорили. Он очень боялся признаться об этом другу. И подруга организовала встречу, моя подруга. И мы уже втроем поговорили, в том числе и с его другом, который был настроен гомофобно, который, узнав о том, что его лучший друг, с которым он общается на протяжении, там, 10 лет, гей, для него это было шоком и мне пришлось проводить такой психологический тренинг сразу с двумя (009).

Тем не менее, даже этот незначительный канал коммуникации достаточно узок, чтобы оказывать большое влияние на общий уровень враждебности школьной среды к вопросам ЛГБТИК. По оценкам повседневных экспертов этого исследования, подростки в школе не стесняются гомофобных высказываний, но в целом не поддерживают гомофобию. Иными словами, есть дети, которые могут воспроизводить гомофобию в своих суждениях, но их мало. Более того, учителя имеют возможности бороться с этим в классе при помощи обсуждения темы гомосексуальности в уважительном тоне. Так, дискуссии в классе помогли переубедить одного из ярых противников ЛГБТИК:

Мы [часть класса и учитель] не смогли совсем победить его гомофобию, но из человека, говорившего о том, что вообще надо всех одной очередью положить, вот, поставить к стенке и положить одной очередью, да, он, в общем, пришел к пониманию, что, ну, ладно, хорошо, пусть будет (001).

Учителя считают, что гомофобия в целом не является наиболее распространенной позицией среди подрастающего поколения: «отдельные гомофобные высказывания, ну, то есть, там, у меня бывает на уроках, когда даже обсуждаем тему, есть разные взгляды, но это [гомофобия] скорее... вообще не в тренде» (006), «За последние 15 лет я увидел, что дети, подростки стали гораздо более тер... толерантны к гендерной идентичности... гомофобная риторика способствовала появлению каких-то отъявленных гомофобов, но ведь большинство же их считает идиотами и придурками» (007). Насколько такие оценки точны, может показать дополнительное исследование. Один из информантов проводил анкетирование по вопросам толерантности в разных школах и выяснил, что наибольшую ненависть отвечающие на его вопросы респонденты испытывают именно к мужчинам-геям. Возможно, оценки информантов нашего исследования выдают желаемое за действительное, но они также показывают, что однозначного ответа на вопрос о будущем поколении граждан дать невозможно.

Отношения между учениками и учителями по вопросам ЛГБТИК строятся чаще в рамках формального образовательного процесса. Поэтому те из учителей, принявших участие в исследовании, которые наиболее ревностно защищаются от риска раскрытия своей гомосексуальности, нередко ограничивают свою коммуникацию с учениками пределами узкой предметной области, доверенной им школой. То есть не только ученики могут опасаться обращаться за помощью к учителю с вопросами о ЛГБТИК, но и некоторые учителя опасаются отвечать на такие вопросы в страхе быть скомпрометированными. Поэтому они выстраивают максимальную дистанцию с учениками, чтобы снизить вероятность каких-либо обращений к ним:

Даже со старшеклассниками я на «Вы», то есть, у меня есть очень четкая граница... наверное, у них не приходит в голову, что можно было бы на эту тему поговорить ... Как педагог ты же должен не только учить... языку, но и в принципе что-то видя, каким-то образом пытаться помочь. Но ты настолько зажат, что ты даже и... даже подозревая и имея в виду, что ты как-то можешь помочь, то ты никогда

не будешь помогать, потому что ты подумаешь, что не дай бог что, тебя еще обвинят в педофилии (005).

Как показывает это суждение, страх ассоциироваться с темой гомосексуальности подстегивается опасениями о том, что любая коммуникация на эту тему между подростком и взрослым будет расценена не как разъяснение каких-либо научных данных, а как сексуальный акт. Несмотря на то, что подобное мнение может показаться преувеличением, оно демонстрирует уровень недоверия к современной правоохранительной системе, прежде всего, нацеленной на карательные меры в отношении поступков, даже не являющихся преступлениями. Известно, что безобидные публикации материалов в социальных сетях могут привести публикующего не только на скамью подсудимых, но и в места лишения свободы. Схожая логика опасений за собственную свободу высказывается и в этой цитате выше. Важно иметь в виду, что это суждение, таким образом, демонстрирует влияние государственной политики и на уровень межличностной коммуникации.

Помимо государства в отношениях между учителями и учениками также незримо присутствует еще один участник – родители. Они упоминались информантами в качестве важных проводников гомофобии, которые в случае возникновения каких-либо подозрений могут составить жалобу на учителя директору или в органы государственной власти. Если учитель проживает в том же районе, где находится школа, то родители контролируют ее/его еще и в качестве соседей. Хотя родителям доступны разные методы, для того чтобы контролировать «нравственный облик» учителей, то есть они способны это делать не только в физическом пространстве района, но в том числе и в виртуальном пространстве сети Интернет:

Однажды мне одна коллега сказала, чтобы я, там, осторожнее относилась к фоткам «Вконтакте», потому что чьи-то родители залезли на мой профиль, посмотрели и как-то не очень хорошо высказались... я как бы все это удалила и «Контактом» перестала пользоваться как более откровенной связью, перешла на «Фейсбук», а в «Фейсбуке» там их почти никого нету (004).

Конечно, репрессивная роль родителей – это не правило, а одна из

потенциальных опасностей. Существуют и противоположные примеры: «одна девочка, она училась в десятом классе, и она сделала каминг-аут перед мамой, и мама позвонила мне и попросила встретиться поговорить, и мы с ней пару раз встречались, я давал читать Игоря Семеновича Кона, еще какие-то дополнительные материалы» (008). Таким образом, коммуникация между учеником и учителем может протекать в ключе взаимопомощи и заботы, но этому существуют серьезные препятствия, ключевым из которых вновь выступает государственная политика, легитимирующая необоснованные жалобы родителей и подогревающая гомофобные настроения, а также неформальное правило «не спрашивай, не говори», способствующее скрытности.

Условия труда учителя

В складывающейся ситуации для многих ЛГБТИК-учителей не стоит выбора между открытостью и закрытостью по поводу своей сексуальности. Открытость могла бы позволить установить связь с учениками, которые ищут поддержку, способствовала бы переосмыслению убеждений коллег и администрации. Закрытость поддерживает существующий статус-кво. Но именно последнее считается наиболее адекватной стратегией поведения, поскольку обеспечивает личную безопасность ЛГБТИК-учителям. Опыт некоторых наших информантов свидетельствует, что гомосексуальность – это препятствие для работы в школе, в особенности, когда об этом знают за пределами учебного заведения. Иными словами, по оценкам информантов, открытость в качестве ЛГБТИК в школе увеличивает вероятность потери работы.

Скрытность поощряется не только в школе, но и вообще представляется нормой для российских ЛГБТИК. Так, история одной из информанток показывает, насколько нормально для сообщества считать попытки искренности и открытости неадекватными: «когда все выяснилось [аутинг и увольнение], свои же [геи и лесбиянки] мне говорили, что сама же виновата, что нужно было сидеть за семью печатями, в шкафу, вообще, в глухом: «Как так, что вообще натворилось. Ты должна была соврать! Фиктивный брак заключить, еще что-нибудь. Ты что, нужно же скрываться»» (002). Способы сокрытия информации о собственной гомосексуальности, упомянутые в этой цитате, на самом деле,

по свидетельствам некоторых информантов, активно используются ЛГБ-ТИК-учителями: фиктивный брак, создание гетеросексуального образа, рассказы о несуществующих партнерах. Это приводит к затворничеству, по крайней мере, в отношении компрометирующих мест и социальных связей:

Я, например, никуда не ходил пять лет. Потом мы пошли с одной моей подругой, просто совершенно случайно гуляли и решили зайти в один... в одно из гей-мест. И не успели зайти, как тут же увидели мою студентку со студентом, и, соответственно, ну, они: «Здрасьте-здрасьте», «здравствуйте-здравствуйте». И, это самое, и этот студент уже, короче говоря, совсем распоясался и стал переходить на «ты», и я говорю: «Ребята, знаете что, мне с вами очень интересно, конечно, общаться, но моя супруга совсем заскучала». И я подумал, господи, как хорошо, что я пришел со своей подругой, что, в общем, они могут думать все, что угодно, да, то есть, почему я сюда пришел (005).

Учителя готовы в разной степени контролировать свое поведение: кто-то создает полностью мифический образ в школе и за ее пределами, другие ограничиваются режимом секретности в школе, но ведут активную гей-жизнь вне ее стен, третьи полностью обходят эту тему стороной, не давая поводов ни подтвердить, ни опровергнуть какие-либо слухи о собственной гомосексуальности. За исключением первого случая, когда сексуальность подвергается мониторингу всегда и повсюду, ЛГБТИК-учителя четко разделяют рабочее пространство и частное: «приходишь на работу и делаешь вид, что, я не знаю... ты – как они. Естественно, ты не можешь поговорить ни о чем личном, ты скрываешь все личное, что у тебя есть, им не надо знать о тебе ничего» (011). Эту ситуацию описывают так: «наступит себе на горло», «психологическое давление», «много положено на алтарь». Она не расценивается как нормальная, а понимается как плата за безопасность, ведь в случае раскрытия, как показывают истории некоторых информантов, школа будет навсегда закрыта для этих людей, а их личность будет подвержена всестороннему

обсуждению в СМИ и за стенами зданий правоохранительных органов.

Таким образом, школьная среда для учителя, относящего себя к ЛГБТИК¹, – это небезопасная среда, характеризующаяся страхами, давлением и частичной потерей личных качеств, это непродуктивная среда, а, напротив, тлетворно влияющая на самовосприятие и саморазвитие. При этом следует иметь в виду, что ее влияние в некоторых случаях выходит за границы школы, захватывая частное и виртуальное пространство учителей. Именно так учителя расплачиваются за безопасность от нападков со стороны коллег, слухов, оскорблений, увольнения или ситуации, при которой учителя вынуждают уволиться: «они просто делают все для того, чтобы человек по собственному желанию ушел – если он сам не хочет, они сделают его жизнь невыносимой» (005).

Контроль рабочего пространства учителя, информация о гомосексуальности которого стала известна в школе, может осуществляться по-разному. Хотя директора, как представляется информантам, предпочитают ничего не делать, пока это не становится достоянием гласности, в арсенале администрации есть инструменты, позволяющие существенно ухудшить условия труда неугодного учителя. Некоторые директора прибегают к таким формам контроля: «премии лишить, да, там, скажут, я не отпускаю в отпуск лишний раз, ну, какие-то такие мелочи, запретить какое-нибудь мероприятие провести или наоборот» (006). Все эти действия делают вклад в ухудшение и без того плохих условий труда для ЛГБТИК-учителей.

Важно упомянуть, что ЛГБТИК-учителя, имеющие опыт работы в школе до вступления в силу закона о «пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений» и после, отмечают изменения в худшую сторону условий своего труда. Если до этого закона вопросы гомосексуальности, хоть и не поощрялись, но, по крайней мере, могли обсуждаться или не всегда считались проблематичными, то после введения закона в действие тема ЛГБТИК превратилась в табу:

Буквально пять лет назад эта тема еще могла быть,
да, как я разговаривал несколько раз с учителями,

1 Следует сказать, что для трансгендерных людей, в том случае, если их внешность вызывает вопросы у администрации школы, путь в учителя совсем закрыт. Об этом рассказывал один из информантов исследования, по мнению которого, наем в школу, например, трансгендеров представляется невозможным.

еще могла быть обсуждаема, неважно, в каком контексте – положительном, отрицательном. Сейчас просто вот... этой темы нет. И человек, который это делает, чаще всего его доводят до того состояния, вообще любого, кто хочет проявить какую-то инициативу, он кладет документ на стол по собственному желанию (009).

При этом информанты считают, что ухудшение в этом ключе напрямую зависит от действий государственных органов, в том числе от узаконивания гомофобии и от применения этого законодательства. Если ранее вопросы ЛГБТИК не считались проблематичными даже в тех школах, где администрация считала их обсуждение неприемлемыми, то сейчас, напротив, даже в школах, считавшихся прогрессивными в этом плане, тема ЛГБТИК превратилась в неуместную. Это плохо сказалось на школьной среде, поскольку положение некоторых людей, являющихся ее частью, значительным образом изменилось в худшую сторону:

Я в свое время, когда вот работал в [ГБОУ], где было совсем все нелиберально, но были другие времена, были другие времена. И я вообще что-то как-то ничего не боялся совершенно, поэтому... сейчас я бы и хотел бы куда-то пойти, но сейчас я уже не пойду. И ни в каких, естественно, ни в сетях, ни в каких вот этих вот... Потому что, это же совершенно не... [Пауза] (005).

Как и в других указанных выше контекстах, влияние государственной гомофобии на условия труда школьных учителей оказывается заметным, подвергается осмыслению повседневными экспертами этого исследования, не проходит в качестве незначительной детали. Школа – это часть экосистемы, и, судя по рассказанным историям, ее среда управлена гомофобией.

Заключение

Проведенное исследование показало, что по вопросам ЛГБТИК в современной школе в Санкт-Петербурге существует неформальная политика «не спрашивай, не говори». Ее усиление связывается с ведением в действие закона о запрете «пропаганды нетрадиционных сексуальных отношений», поскольку главной контролирующей инстанцией для учителя является не администрация школы, а прокуратура и другие органы государственной власти, в ведении которых находится федеральный закон. Завеса молчания вокруг гомосексуальности позволяет поддерживать текущее состояние дел, характеризующееся уязвимым положением ЛГБТИК-учителей, а также незащищенностью ЛГБТИК-подростков в школе. С другой стороны, секретность обеспечивает безопасность для учителей, не желающих потерять свою работу и не готовых вступить в борьбу против несправедливости и за улучшение условий труда.

Школьная среда – это продукт отношений между людьми (школьников, учителей, администрации, родителей, чиновников и пр.), однако основное влияние на ее формирование во многом оказывает только одна группа – представители органов контроля. Опрошенные повседневные эксперты считают, что вся школа – и, прежде всего, директорат – работают на то, чтобы контролирующим инстанциям не к чему было придраться. Эта ситуация негативно сказывается на результате, то есть той конкретной школьной среде, которая производится в столь неравных условиях: школьная среда оказывается токсичной для ЛГБТИК-подростков и учителей, не позволяет им в полной мере чувствовать себя частью общего коллектива. В том, что касается учителей, они скорее готовы полностью отгородиться от остальных коллег, выстраивая отношения лишь с узким «ближним кругом» особо доверенных лиц, чем вступать в процесс переговоров о собственном статусе или переубеждать недружелюбных.

Из-за опасений применения санкций контролирующими органами власти, администрации школ оказывают давление на тех учителей, которые представляют риски для репутации школы или для самого директора. Если вопрос о гомосексуальности учителя становится достоянием общественности или потенциально может таковым стать, то администрация школы предпочитает избавиться от такого учителя. Для этого адми-

нистрацией может оказываться психологическое давление на учителя (лишение премий, обсуждение на собраниях, убеждение уволиться, распространение слухов, оскорбления), чтобы тот «ушел по собственному желанию». Этот механизм инициируется через обращение третьих лиц (родителей, активистов неоконсервативного движения) в прокуратуру по жалобе на «пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений». При этом информанты свидетельствуют, что до введения этого закона возможности запустить этот механизм давления не было, а условия труда оценивались лучше.

Тем не менее, и в текущих условиях некоторые учителя готовы брать на себя обязательства по оказанию помощи и поддержки ЛГБТИК-подросткам, имеющим вопросы о сексуальности. Кроме того, многие стараются хотя бы в каких-то формах рассказывать на занятиях о разнообразных формах сексуальности, чтобы в целом подвергнуть сомнению распространенные среди школьников предрассудки. Школа, тем более в таком ее особом сегменте, не может полностью взять на себя ответственность за борьбу с гомофобией. Однако и этот маленький вклад делает чью-то жизнь проще.

Исследование показывает системность существующей проблемы, ее многоаспектность и влияние государства, а не школьной администрации, на ухудшение положения вещей. Тем не менее, некоторые действия гражданского общества могли бы в какой-то степени стимулировать позитивные изменения школьной среды в сторону большей открытости для ЛГБТИК-подростков и учителей:

1. Поддержка учителей в их решимости активно противостоять ухудшению условий труда, в том числе давлению контролирующих инстанций (альянсы ЛГБТ-организаций с независимыми профсоюзами, изучение проблем рабочего места учителя и законодательства в этой области, программы по повышению знания о трудовом законодательстве, лоббирование ограничений власти надзорных органов в школах);
2. Поддержка учителей, отважившихся сбросить завесу молчания с проблематики ЛГБТИК в школе (предоставление материалов, юридической и

психологической помощи, разработка активистских стратегий по адвокации в недружелюбной и закрытой среде);

3. Осуществление программ помощи по перепрофилированию школьных учителей, уволенных из-за сексуальной ориентации или гендерной идентичности, чтобы снизить страх увольнения и помочь тем, на кого оказывается давление;
4. Организация тренингов для учителей и школьной администрации по вопросам гендерной чувствительности и гендерного равенства для повышения их знаний в этих областях и для борьбы с предрассудками (ЛГБТИК-учителя могли бы привлекать свой «близкий круг» для прохождения таких тренингов);
5. Проведение исследований и мониторингов для получения актуальных данных о жертвах травли в школах (количественные опросники учителей и школьников через безопасные социальные сети);
6. Мониторинг внутренних правил школ на предмет формальной дискриминации ЛГБТИК в официальных документах (опасаясь публичного скандала, директора школ могут изменить эти правила);
7. Распространение среди ЛГБТИК навыков медиа-безопасности, которые позволили бы противостоять нежелательному доступу третьих лиц к личной информации в социальных сетях (например, исключить возможности просматривать страницы учителей родителями, подвергнуть сомнению необходимость добавлять в «друзья» своих учеников, использование независимых от органов надзора социальных сетей);
8. Распространение альтернативных школьным источ-

ников информации о гомосексуальности, которые показали бы реальное место ЛГБТИК в истории, литературе, культуре на основе современных научных данных (такие программы могли бы неформально использоваться учителями как пособия, а учениками – как материал для самостоятельного освоения);

9. Стимулирование самоорганизации школьников в группы, отстаивающие права ЛГБТИК в школах (виртуальные сообщества в безопасных социальных сетях, свободных от контроля надзорных органов, а также организация реальных Альянсов ЛГБТ и союзников в школах).

Школьная среда создается всеми участниками взаимодействия вместе, однако не каждый из них находится в равном по отношению к другому положении. Те, у кого больше власти, могут существенным образом влиять на школьную среду, делая ее недружелюбной. Залог позитивных изменений – достижение большего равенства участников взаимодействия, через самоорганизацию, просвещение и постоянную критическую работу над ошибками. Негативная школьная среда плохо влияет на отношения в школе, в том числе приводит к трагическим последствиям, как показывают крупные исследования в других национальных контекстах. Это исследование затрагивает только одну сторону проблемы – восприятие школьной среды учителями, но уже на этом материале видно, что текущая ситуация требует изменений к лучшему, то есть более открытой и дружелюбной школьной среды.

Приложение 1. Список информантов

№	Идентификация	Г.р.	Стаж	Школа	Предмет	Гендер
001	Союзник	1977	11 лет	Государственная	Иностранные языки	ж
002	Бисексуалка	1990	2 года	Государственная	История, обществознание	ж
003	Гей	1992	2 года	Частная	Гуманитарные науки	м
004	Союзник	1986	3 года	Частная	Рисование	ж
005	Гей	1984	12 лет	Государственная	Иностранные языки	м
006	Союзник	1982	17 лет	Государственная	География	м
007	Гей	1983	8 лет	Государственная	Иностранный язык	м
008	Гей	1980	8 лет	Государственная	Обществознание	м
009	Гей	1994	3 года	Государственная	Педагог доп. образования	м
010	Лесбиянка	1984	3 года	Государственная	Иностранный язык	ж
011	Бисексуалка	1994	1 год	Государственная	Русский язык и литература	ж

Приложение 2. Путеводитель по интервью с ЛГБТИК-учителями и союзниками

1. Получение информированного согласия. Объяснить цели исследования: это исследование проводится для того, чтобы выяснить, как формируется школьная среда, что мешает школе быть открытой к разнообразию организацией, если мешает, в особенности в отношении ЛГБТИК (лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров, интерсекс и квир) и их союзников. Исследование проводится российским Благотворительным фондом «Сфера». Перед началом интервью необходимо получить согласие информанта на запись и использование записи в исследовании. Для этого информант должен сказать: «Я согласен/согласна», –

в микрофон при ответе на следующий вопрос: «Согласны ли Вы, что наше интервью будет записано и после удаления данных, по которым Вас можно идентифицировать, будет использовано в научно-исследовательской работе?»

Интервью предполагает разговор, условно разделенный на три большие темы (биография, правила и нормы, опыт гомофобии в школе). Следующие пункты служат опорой для интервьюера, которая позволяет не забыть спросить у информанта о том или ином событии, если информант самостоятельно о нем не расскажет. Несмотря на то, что путеводитель составлен в форме серии вопросов, интервью скорее должно напоминать беседу, стимулирующую воспоминания.

2. Биографические и формальные данные об информанте: сколько Вам лет? Кем и сколько лет Вы работаете в этой школе (какой предмет Вы преподаете)? Какое образование Вы получили? Живете ли Вы этом же районе города? Относите ли Вы себя к представителям ЛГБТИК или союзников?
3. Кто влияет на правила в школе: директор, завуч, комитет по образованию, школьный коллектив, шефствующая организация, родители или другое – в какой степени? Какое отношение к разным аспектам разнообразия в этой школе: этничность, класс, религия, происхождение, район проживания и пр.? Существуют ли формальные правила, касающиеся гомофобии или вопросов сексуальности (запреты гомофобии или, напротив, поощрение гомофобии – например, запрет «пропаганды гомосексуализма») в школе? Каково отношение директора к гомофобии – есть ли у нее/него позиция по этому вопросу?
4. Опыт гомофобии и гендерных предрассудков на рабочем месте: Ругаются ли гомофобными словами, обсуждают ли вопросы ЛГБТИК в негативном или позитивном ключе школьники и коллеги? Безопасно ли обсуждать личную жизнь с коллегами/администрацией/учениками? Случа-

лись ли лично с информантом или другими коллегами такие события: обзывали, били, распространяли слухи, забирали собственность, угрожали, писали доносы из-за сексуальной ориентации или гендерной идентичности? Существуют ли какие-либо риски, когда информант открыт(а) как ЛГБТИК разным группам: ученикам, администрации, коллегам, родителям учеников, всем – какие это риски? Могут ли быть позитивные или негативные эффекты открытости: потеря работы, разрыв отношений, преследование (министерством образования или полицией), удержания зарплаты, отказ продвижения по службе, дополнительная нагрузка и т.п.? Случались ли в школе случаи оскорбления или насилия в отношении учеников на почве ненависти из-за их сексуальной ориентации или гендерной идентичности? Приходят ли ЛГБТИК-ученики за советом? Что делает информант для помощи ЛГБТИК-ученикам или вообще для борьбы с предрассудками: активист, проводит занятия, рассказывает друзьям о себе, ничего?

Дополнительный блок вопросов (для завершения интервью и благодарности):

5. Хочет ли информант добавить что-либо к сказанному?
6. Можете ли Вы назвать Ваших коллег, к которым мы можем обратиться за таким же интервью (рассказать коллегам об исследовании и передать наши контакты)?

Для заметок

Для заметок